

БИБЛИОТЕКА

Нижегород. губернс. Архивн. Коммиссiи.

Отдѣль 2

№ общiй 272

№ отдѣла 5598.

Шкафъ Полка

5301⁹ 6 404

Григорьевъ

СТРАНИЧКА

ИЗЪ ЖИЗНИ ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

1829 404

Въ 1855 году я кончилъ курсъ въ нижегородской гимназiи. Отъ насъ, гимназистовъ, отбирали подписку «о родѣ избранiя жизни». Кто росписывался въ военную службу, кто — въ гражданскую. Мнѣ почему-то очень нравился голубой студенческой воротникъ,

Цвѣтъ лазури, цвѣтъ небесъ,

Цвѣтъ студентовъ, цвѣтъ повѣсь,

и я, не колеблясь, написалъ, что желаю поступить въ университетъ. Но этого было мало: начальство требовало назвать факультетъ. Я и тутъ нашолся; неумѣренно предаваясь стихоплетству и зная отъ нашего учителя словесности, что есть историко-филологическiй факультетъ, я его и избралъ своимъ «родомъ жизни». Такое легкое опредѣленiе своего будущаго призванiя дѣлалось такъ скоро потому, что передъ самымъ окончанiемъ курса мнѣ исполнилось

всего 17 лѣтъ, и если теперешнюю молодежь иногда упрекаютъ въ чрезмѣрной практичности, то мы ужъ вовсе были свободны отъ подобнаго упрека.

17 июля сѣлъ я на буксирный пароходъ «Волна» (спеціально-пассажирскіе пароходы тогда еще по Волгѣ не ходили) и былъ сильно польщенъ тѣмъ, что ѣхавшій на немъ - же въ Казань старый студентъ, медикъ Г., первый со мною познакомился и обращался со мною, какъ съ ровней. Узнавши, что я намѣренъ поступить на историко-филологическій факультетъ, Г. убѣдилъ меня (не помню ужъ какими доводами), что всего лучше избрать камеральный разрядъ юридическаго факультета.

На третій день къ вечеру увидали мы Казань. По дамбѣ, по которой теперь ходятъ кареты конно-железной дороги, въ то время никто не ѣздилъ, предпочитая ей дорогу лугами. Мы наняли ломоваго извозчика, сложили на его телѣгу свои пожитки и усѣлись на нихъ. Поднявшись на воскресенскую улицу, я оставилъ Г. и помѣстился въ номерахъ Акчурина (теперешній Hôtel de France), давши Г. слово быть у него на другой день часовъ въ 10 утра. До сумерекъ оставалось еще часа полтора, и потому я пошелъ прогуляться, но, увидавъ въ лавкахъ гостиннаго двора студенческія шпаги, не утерпѣлъ, купилъ себѣ это соблазнительное оружіе, магически превращавшее гимназиста - мальчишку въ

студента, и, забывъ о прогулкѣ, пошелъ домой, провозившись вечеръ со шпагой, какъ обезьяна съ очками.

У меня было нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ двоимъ-троимъ профессорамъ, частью товарищамъ моего отца по виленскому университету, частью знакомымъ ему по экзамену его на званіе акушера, который онъ держалъ въ казанскомъ университетѣ за годъ передъ тѣмъ. Положивъ эти письма въ карманъ, съ цѣлью узнать адреса профессоровъ отъ Г., я отправился къ нему въ условленный часъ.

Маленькія квартирки, въ которыхъ съ незапятнанныхъ временъ жили студенты, назывались тогда скитами. Въ одномъ изъ такихъ скитовъ (кажется, подъ названіемъ назарьевскаго), на большой лядской, на-искосокъ отъ дома тогдашняго профессора богословія въ университетѣ Владимірскаго (теперь— ректора казанской духовной академіи), жилъ Г. съ товарищемъ своимъ, тоже нижегородцемъ В. Черезъ темныя сѣни вошелъ я въ комнату, окнами на грязный дворъ, съ волнообразнымъ поломъ и непроницаемой копотью на облупившейся штукатуркѣ. Все убранство скита состояло изъ стола, 2—3 прыгающихъ стульевъ, да какого-то подобія куетки. На столѣ валялись обрывки лекцій, кусочки сахара, лежалъ неизбѣжный синій картузь съ табакомъ

«Васьки Жукова» и возвышалась бутылка красного рома; рядомъ съ нею стояла, кажется, единственная цѣнная вещица въ скиту—серебряная чарочка.

При входѣ моемъ, Г. стоялъ передъ крупной бѣлокурой фигурой малаго лѣтъ 26, распростертаго въ одномъ бѣльѣ на кушеткѣ, и о чемъ-то ораторствовалъ.

— Вотъ и новичокъ нашъ, сказалъ Г., увидавъ меня.—Вотъ, Николай Иванычъ, представляю тебѣ сего юношу. Поступаетъ въ университетъ. Со-временемъ будетъ хорошимъ студентомъ.

— Ну, если ты, братъ, хорошей человѣкъ—выпьешь, сказалъ мнѣ В., и протянулъ мнѣ свою мускулистую руку... Ромъ пьешь?

Сказать «пью» я боялся потому, что представлялъ себѣ ромъ, о вкусѣ котораго не имѣлъ понятія, иначе какъ огненной струей, входящей въ глотку; сказать «не пью»—значило сознаться, что я мальчикъ, еще не достойный носить студенческаго воротника.

Я твердо сказалъ «пью»—и выпилъ, и глупо вытаращилъ глаза. Но, чтобы не ударить въ грязь лицомъ, прибавилъ, что и «по другой» можно.

Прошлись и по другой, и по третьей и по четвертой. . .

Выпивай, братъ, выпивай,

Дружбу лишь не забывай!

Наливай, братъ, наливай,

Все до капли выпивай!

Кончилось, конечно, тѣмъ, что мы всѣ перепились, какъ говорится, «до положенія ризъ».

Уже ночью, когда мои новые товарищи спали богатырскимъ сномъ, я проснулся и съ-пьяна рѣшилъ, что еще не видалъ города, что долженъ осмотрѣть его. . . Кое-какъ пріодѣвшись, вышелъ я на улицу. Свѣтало, накрапывалъ мелкій дождь; какими-то судьбами, проколесивъ по незнакомымъ улицамъ, набрелъ я на номера, въ которыхъ остановился, узналъ ихъ, достучался и завалился спать.

Проснулся я въ очень непріятномъ расположеніи духа. Мнѣ было очень стыдно. Мнѣ очень не хотѣлось увидаться снова со вчерашними собутыльниками, но я все-таки рѣшился идти къ нимъ, чтобы узнать адреса профессоровъ, о которыхъ, разумѣется, забылъ спросить, и вообще потолковать о томъ, какъ мнѣ поступить въ университетъ, какъ писать прошеніе, кому его подавать и т. п.

Пошоль. Оба были уже на ногахъ и сидѣли уже за водкой, въ компаніи съ новымъ лицомъ, оказавшимся однако мнѣ знакомымъ: то былъ уже кончившій курсъ студентъ, тоже нижегородецъ Ж. въ студенческой фуражкѣ на головѣ и въ какой-то женской полковой кацавейкѣ на плечахъ.

Онъ меня тоже узналъ. Я пожаловался на дурное расположеніе духа.

— Опохмѣлиться нужно, рѣшилъ Ж., и налилъ мнѣ чарочку.

Похмѣлье кончилось тѣмъ, что снова «день былъ исключенъ изъ жизни».

Еще разъ я уже былъ не въ силахъ «опохмѣляться» и кое-какъ разыскалъ одного изъ профессоровъ, къ которому имѣлъ письмо. Профессоръ К. принялъ меня очень радушно, продиктовалъ мнѣ самъ прошеніе, отослалъ его къ ректору и уговаривалъ переѣхать изъ номеровъ къ себѣ. Не смотря на все радушіе К., я его ужасно боялся, мнѣ казалось, что онъ уже знаетъ, что я цѣлыхъ два дня пропьянствовалъ, и только притворяется добрякомъ, а какъ залучитъ меня къ себѣ, возьметъ, да и высѣчетъ.

Какъ только мнѣ объявили, что всѣ бумаги мои въ исправности, что я буду принять въ университетъ безъ экзамена, на что я, по тогдашнимъ правиламъ, имѣлъ право, я тотчасъ уѣхалъ, даже не простившись съ Г. и В., обратно въ Нижній, такъ какъ до начала лекцій оставалось еще почти два мѣсяца, а Казань мнѣ просто опротивѣла.

Въ концѣ августа, я снова пріѣхалъ въ Казань, написавши, конечно, по этому поводу множество раздирательныхъ стихотвореній, преимущественно, «къ

ней», въ которыхъ говорилось все въ родѣ того, что
Вѣрите-ль? Когда объ васъ мечтаю,
Чудится, что руку кто-то жметъ...

Къ счастью для потомства, цѣлый ворохъ моихъ
упражнений въ поэзіи впоследствии пропалъ.

По пріѣздѣ въ Казань, я аккуратно ходилъ на
лекціи, посѣщалъ даже чтенія лектора французскаго
языка, г. де-Плэнни (9-й часъ), до такой степени,
по обычаю, необязательныя, что аудиторія его была
всегда совершенно почти пуста; знакомствъ съ сту-
дентами я не заводилъ, боясь оргій.

Камеральный разрядъ юридическаго факультета
былъ смѣсью всевозможныхъ наукъ: рядомъ съ госу-
дарственнымъ правомъ читалась ботаника, съ исто-
ріей—зоологія, съ политической экономіей—химія,
и т. д. Я чувствовалъ большое нерасположеніе къ
такой смѣси и въ первое-же полугодіе подумывалъ
о перемѣнѣ факультета, склоняясь къ чисто- юриди-
ческому и еще болѣе—къ историко-филологическому,
на который «подписался» еще въ гимназіи. Но меня
отговорилъ отъ моего желанья—кто-бы могъ это
подумать!—покойный В. И. Григоровичъ, котораго
я встрѣтилъ однажды вечеромъ, у бывшаго казан-
скаго почтмейстера Дубровскаго, сидящимъ вмѣстѣ
съ какимъ-то іеромонахомъ и толковавшимъ объ
Аевонѣ. Думаю, что мотивы свои Викторъ Ивановичъ,
главнымъ образомъ, почерпнулъ глядя на мою черезъ-

чуръ юную и, какъ нѣкоторые выражались, «конфектную» фізіономію, далеко не историко - филологическаго выраженія. Къ Виктору Ивановичу я чувствовалъ величайшее почтеніе, впоследствии еще болѣе осмысленное, когда я съ нимъ имѣлъ случай довольно близко сойтись (около двухъ мѣсяцевъ я даже жилъ съ нимъ въ одной квартирѣ), и потому я безпрекословно послушался его и остался на «богоспасаемомъ» камеральномъ и порхаль вмѣстѣ съ своими товарищами изъ «ивановской» аудиторіи въ химическую лабораторію, отъ С. В. Пахмана къ Н. П. Вагнеру и т. д. Читаніе ивановской аудиторіи, Н. А. Ивановъ, читавшій русскую исторію, произвелъ на меня какое-то странное впечатлѣніе: онъ еще пользовался своей прежней славой, а я положительно, какъ ни силился, не могъ увлекаться его лекціями, казавшимися мнѣ холодными, ходульными, но молчалъ, въ виду общаго поклоненія ему, которое, однако, мгновенно испарилось, когда со второго семестра его замѣнилъ у насъ С. В. Ешевскій, привлекшій въ свою аудиторію не только полный составъ своихъ обязательныхъ слушателей, но и медиковъ, никогда не появлявшихся въ такъ-называемыхъ общихъ аудиторіяхъ.

Чтенія С. В. Пахмана (государственное право) или, вѣрнѣе сказать, философскіе термины, обильно разсыпанные въ этихъ чтеніяхъ, мнѣ до-нельзя

правились, такъ какъ я питалъ слѣпую привязанность къ философіи и даже находилъ какое-то необъяснимое удовольствіе въ чтеніи такихъ философскихъ сочиненій, которыя плохо понималъ.

Къ химіи я не чувствовалъ никакой склонности, но съ большимъ удовольствіемъ слушалъ (именно только слушалъ) лекціи А. М. Бутлерова, который такъ мастерски ихъ читалъ, что можно было слушать ихъ какъ музыку. Такое «слушанье» имѣло для меня результатомъ полученіе на репетиціяхъ (передъ рождественской вакаціей) единицы. Чтобы поправиться, я сталъ заниматься, со второй половины полугодія, въ химической лабораторіи, но вплоть до экзаменовъ все добывалъ марганцовую кислоту и такъ и не добылъ, и не болѣе успѣшны были и занятія моихъ товарищей. Одинъ изъ нихъ возился все съ молочной кислотой, которую также никакъ не могъ получить, такъ какъ въ приносимому имъ молоку прибавлялись калачи, и молочная кислота добывалась уже естественнымъ путемъ—въ нашихъ желудкахъ. Практическія наши занятія кончились тѣмъ, что мы какъ-то перепортили работы самого Александра Михайловича, за что онъ насъ чуть не прибилъ....

Посѣщалъ я также лекціи профессоровъ и не своего факультета: на нѣкоторыя ходилъ вслѣдствіе возбуждаемаго ими во мнѣ интереса (напр. къ

В. И. Григоровичу), на другія—ради курьёза. Такъ, помню вступительную лекцію по римскому праву. Кривой профессоръ опрометью взбѣжалъ на кафедру, развернулъ массу засаленныхъ тетрадокъ и быстро-быстро, съ безпрестанными однако запинками, началъ читать:

— «Римское Право. Р—большое, П—большое, пунктумъ!... Это запшытэ сэбэ на бѣкѣ.»

Или далѣе:

— «Рымяне имѣли своего архіеррѣя, краго (профессоръ читалъ сокращенно—*краго*, а не котораго, какъ для него переписаны были лекціи) называли: вѣрховный жэрэбѣцъ.»

Профессоръ уголовного права, тоже нѣмецъ (и, говорили, очень ученый—по-нѣмецки), доказывалъ преимущество суда присяжныхъ слѣдующимъ образомъ:

— «Когда-то, одна молодая дѣвушка билла обвинѣма въ ужаснѣйшемъ прреступлѣніи, самымъ сквернѣйшимъ образомъ учинѣннаго.... Когда-то, гдѣ-то нашли какую-то кашу человѣческихъ костѣй и ммяса.... И судъ приссѣшныхъ опрафталь ее!»

Въ годъ моего поступленія въ университетъ, перешоль изъ казанскаго университета въ дерптскій П. Д. Боборыкинъ и прислалъ намъ изъ Дерпта обширное письмо листахъ на десяти, адресованное всѣмъ студентамъ казанскаго университета. Въ немъ

онъ громиль казаньщину, проводивъ параллель между нею и Дерптомъ. Письмо, помнится, написано было мастерски, но мы обидѣлись имъ, хотѣли отвѣчать, но не отвѣтили, видно, потому, что нечего было отвѣчать, а обидѣлись потому, что правда глаза колола: не щадилась профессора, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, о которыхъ ничего нельзя было сказать дурнаго, но не щадилась и студенты съ ихъ бездѣльничаньемъ и повальными кутежами.

Моя уединенная жизнь продолжалась только въ теченіи перваго полугодія; со втораго я сошолся со многими товарищами и вошелъ во вкусъ тогдашняго студенческаго быта, преимущественно выражавшагося, за отсутствіемъ другихъ интересовъ, въ дружныхъ попойкахъ, въ ночныхъ прогулкахъ по улицамъ съ громкими пѣснями. Справедливость однако требуетъ сказать, что тому кружку, въ которомъ я вертѣлся, не были чужды, если не научные, то литературные интересы (для меня лично «развеселое» студенческое жите умѣрялось еще тѣмъ, что я писалъ разныя студенческія сценки, стихи на случай и, кромѣ того, довольно аккуратно велъ свой дневникъ, сохранившійся и до сихъ поръ въ видѣ объемистой тетради листовъ въ 50, на основаніи котораго когда-нибудь расскажу студенческое жите 50-хъ годовъ по-подробнѣе). Мы сходились не рѣд-

ко и для литературныхъ чтеній, на которыхъ читали и спорили о прочитанномъ, въ антрактахъ пѣли хоромъ (пѣли мы, правду сказать, очень хорошо: разъ на бульварѣ, хоромъ человекъ въ 30, мы восхитили С. В. Пахмана; другой разъ, на горахъ, въ Адмиралтейской слободѣ, во время масляницы, до такой степени увлекли А. М. Бутлерова, что онъ бросилъ свои салазки, до которыхъ былъ страстный охотникъ, и, присоединившись къ намъ, усердно подпѣвалъ намъ). Происходили у насъ иногда и научныя бесѣды, но преимущественно курьезнаго характера. Такъ, живо помню одну изъ нихъ. Мы уговорились бесѣдовать на тему. Темой была избрана слѣдующая: «о необходимости существованія въ государствѣ средняго сословія.» Бесѣда шла очень оживленно, держась преимущественно на острогахъ и неожиданныхъ сближеніяхъ и заключеніяхъ, и разрослась, отклонившись далеко въ сторону отъ заданной темы, до того, что кетати пришлось замѣчаніе Марковникова (В. В. Марковниковъ теперь ординарнымъ профессоромъ химіи въ московскомъ университетѣ), что, по Либиху, рюмка водки, выпитая передъ обѣдомъ, нисколько не возбуждаетъ аппетита. Заговоривъ о рюмкѣ водки, естественно было сдѣлать посылку на закуску: кто-то изъ насъ сбѣгалъ за штофомъ водки и копченой колбасой, и мы стали повѣрять теорію Либиха.

Иногда устраивали мы и домашніе спектакли, съ публикой, состоящей изъ 5 — 10 товарищей, швеекъ-сосѣдокъ, знакомыхъ извозчиковъ или дворника сосѣдняго со «скитомъ», въ которомъ мы случалась, дома. Давались не полныя пьесы, а отдѣльныя сцены изъ нихъ. Разъ только задумали мы поставить «Свадѣбу Кречинскаго» цѣликомъ и притомъ довольно торжественно: нѣкоторые изъ товарищей привели своихъ знакомыхъ. Но дѣло кончилось скандаломъ: Вѣрочка (камералистъ Д.) и Кречинскій сильно трусили и для храбрости «хватили», но не соблюли мѣры; петрусливый суфлеръ вистоваль имъ сонъ амоге и ораль такъ, что актеровъ почти не слышно было. Вѣрочка стала обнаруживать черезъ-чуръ мужскія манеры, а Кречинскій, запасшійся храбростью всѣхъ усерднѣе, сталъ вставлять въ роль совершенно непечатныя выраженія.... Посторонняя публика разбѣжалась, и спектакль, не кончившись, завершился отчаянной попойкой.

Конецъ пятидесятихъ годовъ былъ для студентовъ казанскаго университета эпохою переходною отъ старыхъ порядковъ къ новымъ, отъ кутежей и карцера къ «политическимъ» волненіямъ съ сходбищами на открытомъ воздухѣ, у крѣпостной стѣны, на бульварѣ.

Началось съ такъ-называемой «исторіи Л.». Зимой 1856 — 1857 года появились въ Казани изъ Петер-

бурга два офицера Л. и О., которые гдѣ-то погрозились надрать студентамъ уши. За это они были жестоко избиты студентами. Намъ было объявлено, что попечитель желаетъ съ нами говорить. Въ актовъй залъ собраны были всѣ студенты. Вошелъ попечитель и сталъ пѣнять на неблаговидность такого поступка (виновные не были извѣстны). Сначала все шло хорошо: попечитель пѣнялъ, мы слушали. Но кто-то началъ смѣяться, кого-то насморкъ одолѣлъ, кого-то дернуло свистнуть, и вдругъ вся масса засвистала, какъ одинъ человѣкъ. Добрякъ-попечитель сконфузился, чуть не заплакалъ и, не докончивъ своей рѣчи, удалился.

Болѣе онъ къ намъ не появлялся, подавши въ отставку.

Это первое волненіе прошло студентамъ даромъ и повело къ другой, такой же шумной демонстраціи, которая, однако, была не случайностью, зависѣвшей отъ того, что кто-то свистнулъ и увлекъ за собою остальную массу, а мѣрю, обдуманной заранѣе, имѣвшей всѣ признаки заговора, съ предварительными тайными сходками, съ выборомъ коноводовъ и т. д. Намъ всѣмъ былъ крайне ненавистенъ инспекторъ студентовъ Л. Рѣшено было устроить ему самый формальный скандалъ и заставить его, такимъ образомъ, оставить университетъ. Въ началѣ февраля 1857 года собралось самовольно въ актовъй-же залъ че-

ловѣкъ 300 студентовъ. Большая часть не знала во-
все цѣли собранія, а шла потому, что говорили
просто, что нужно собраться, что-то будетъ. По-
требованъ былъ Л. Въмѣсто него, вышелъ къ намъ
ректоръ О. М. Ковалевскій. Трое депутатовъ вы-
разили ему единодушное желаніе студентовъ объ
удаленіи Л. изъ университета. Ректоръ пользовался
большимъ уваженіемъ студентовъ. Онъ вступилъ съ
депутатами въ спокойную бесѣду, но едва она на-
чалась, — показалась въ дверяхъ зала фигура инспек-
тора. Мгновенно раздались оглушительные крики:
«долой Л., вонъ его!»

1881

Къ вечеру Л. подалъ въ отставку и исправленіе
должности инспектора было поручено профессору
С. В. Пахману. Студенты торжествовали. Такъ
какъ Л. обращалъ болѣе всего вниманія на соблю-
деніе формы, и, бывало, увидавъ студента на улицѣ,
хотя-бы съ одной разстегнутой на вицмундирѣ пу-
говицей, отправлялъ его прямо въ карцеръ. то тор-
жество наше, на первыхъ порахъ, стало выражаться
именно въ несоблюденіи формы: нѣкоторые дошли
до того, что добыли какія-то звѣриныя шкуры и
ходили въ нихъ по улицамъ, вооруженные дубинами.
Я написалъ какое-то «возмутительное» стихотворе-
ніе, а нѣсколько товарищей, переписавши его эк-
земплярахъ въ 20, ночью наклеили его на фонар-
ные столбы. Въ кандидатскихъ (такъ назывались

комнаты, въ которыхъ жили въ университетѣ казенные студенты, окончивавшіе курсъ) узнали, что авторъ стихотворенія я, и рѣшили меня побить, найдя, что, такъ какъ дѣло уже сдѣлано, неразумно подливать къ нему масла; я отдѣлался тѣмъ, что одинъ изъ распространителей стихотворенія сознался въ этомъ и удостовѣрилъ, что я ничего не зналъ о наклейкѣ на столбахъ. Меня помиловали, да кстати помиловали и сознавагося распространителя.

Постепенно возрастая, «политическія движенія» студентовъ казанскаго университета дошли, наконецъ, до своего апогея въ эпоху такъ называемой «безднинской исторіи», когда цѣлымъ кагаломъ отслужена была студентами въ кладбищенской церкви панихида по разстрѣленномъ въ Безднѣ Антонѣ Петровѣ... Но объ этомъ когда-нибудь послѣ.

А. Гацискій.

29 декабря 1877 г.
Нижній Новгородъ.